

Ли Шянь и мастер Линхуэй переглянулись, и оба почувствовали, что в этом деле кроется какой-то подвох. Мастер Линхуэй велел монаху-распорядителю сначала принять гостя, а сам отложил шахматную доску и решил лично во всём разобраться. Он только собрался выйти из кельи, как издали до него донёсся громкий, подобный колоколу голос:

— Старина Линхуэй, давненько не виделись!

Лицо мастера Линхуэй озарилось радостью, он немедленно поднялся навстречу:

— Братец Ма, и ты здесь!

Его слова еще не затихли, как из-за дверей вошел старик лет шестидесяти. Одетый в короткую крестьянскую одежду, с вороватым лицом крысы и чрезвычайно низкорослый, он выглядел весьма непримечательно. Судя по одному лишь голосу, Ли Шянь принял бы его за грозного и внушающего трепет мастера боевых искусств прошлых лет, но при встрече никак не ожидал увидеть столь жалкую внешность.

Хотя сам он не знал этого человека, Ли Шянь понимал, что тот, кого мастер Линхуэй называет братом, непременно должен быть гремевшей на весь цзяньху фигурой. Однако Ли Шянь родился в императорской семье и дважды восходил на престол в императорском облачении, поэтому знаменитые мастера боевых искусств вовсе не казались ему чем-то значительным. Взяв в руки задачник по шахматам, он преспокойно продолжил расставлять камни на доске. Понимая, сколь скрытно положение гостя, мастер Линхуэй колебался, не зная, как их представить. Видя, что Ли Шянь вовсе не расположен заводить знакомства, он плыл по течению, схватил Ма Чжэньхуа за руку и с улыбкой произвел маневр:

— Пойдём, братец Ма, поговорим в другом месте.

Однако Ма Чжэньхуа вовсе не собирался уходить просто так. Возвысив голос, он бросил в сторону Ли Шяня:

— Когда стране грозит гибель, каждый простой человек несет за нее ответ! С какой стати у кого-то находится столь праздный досуг, чтобы только и заниматься расстановкой каких-то ничемных шахматных партий!

Мастер Линхуэй был поражен. Хоть Ма Чжэньхуа и отличался широтой души, безрассудным он никогда не был. С чего бы ему сегодня вести себя столь дерзко с человеком, которого он видит впервые? Неужели он уже узнал истинную личность Ли Шяня?

Украдкой взглянув на него, мастер Линхуэй увидел, что Ма Чжэньхуа шагает с высоко поднятой головой и с полным отваги выражением лица, однако с первого взгляда так и не смог разглядеть в этом какой-то скрытый умысел.

Ли Шянь медленно опустил шахматный задачник, перевел на Ма Чжэньхуа пронзительный взгляд, окинул его с ног до головы, и лишь после этого блеск в его глазах угас. Равнодушным тоном он осведомился:

— Позвольте узнать ваше почтенное имя?

— Ма Чжэньхуа, уроженец провинции Цзянси, глава Секты Двух Драконов.

Ли Шянь неопределенно хмыкнул и снова опустил голову, продолжая углубляться в шахматную партию. Теперь, когда и сам мастер Линхуэй жаждал докопаться до истины, он просто с улыбкой присел в стороне и умолк. Таким образом, Ма Чжэньхуа оказался выставлен в самом неприглядном свете.

Столкнувшись с таким холодным приемом, Ма Чжэньхуа вовсе не рассердился. Напротив, он почтительно заложил руки за спину и, оставаясь стоять на прежнем месте, продолжил:

— Если вести столь яростный спор из-за выигрыша или проигрыша одного камня на доске, почему же тогда не принимать близко к сердцу выигрыш или проигрыш всей Поднебесной? Неужели расцвет и падение династии Хун важнее этой борьбы черных и белых камней?

С мелодичным звоном белый камень упал на доску, издав чистый, похожий на удар металла о камень звук. Глядя на хитро переплетенные в палочные бои группы камней, Ли Шянь зажал между пальцами еще один черный камень и продолжил игру:

— Пусть Чу Илань сам придет и скажет мне эти слова.

Тело Ма Чжэньхуа слегка содрогнулось, после чего он разразился звучным смехом:

— Молодой господин Чу не ошибся: всего по нескольким фразам вы смогли угадать, кто стоит за моей спиной. Только вот интересно, как именно вы догадались?

— Это просто, — Ли Шянь оторвал взгляд от доски. — При авторитете главы Ма вряд ли найдется много людей во всем цзянху, перед которыми вы, столкнувшись с холодным приемом, продолжили бы стоять навтыжку и выказывать почтение. К тому же, судя по словам главы Ма, вы уже на восемьдесят-девяносто процентов осведомлены о моей личности. А за пределами монастыря Шаолинь о том, что я скрываюсь здесь, знает лишь один Чу Илань. Вот я и решил, что вы явились по поручению Чу Иланя. Ну как, стоит ли мне продолжать догадки?

Ма Чжэньхуа опешил:

— Прошу.

В этот самый момент из-за двери отчетливо раздалось:

— Извольте повременить!

Находящиеся в комнате трое одновременно обернулись на голос и увидели, что за дверью кельи гордо и независимо стоит юноша в белых одеждах, поразительный и несравненный, выделяющийся своей благородной осанкой. На его прекрасном, подобном нефриту лице по-прежнему играла легкая, лукавая улыбка — такая знакомая и в то же время такая чужая.

Ли Шянь невольно принялся внимательно разглядывать стоящего перед ним Чу Иланя. Пережив столько совместных битв умов и храбрости, разделив невзгоды и скитания, он до сих пор отчетливо слышал в памяти то его признание. С той памятной разлуки прошло полгода, не было никаких вестей, и вот теперь перед ним все тот же лихой и аристократичный молодой господин; пусть между его бровей залегла пара новых следов житейских невзгод, это по-прежнему не могло скрыть его ослепительного и героического облика.

Пока Ли Шянь предавался сумбурным мыслям, Чу Илань уже легкой пружинистой походкой вошел в комнату. Слегка кивнув мастеру Линхуэй в знак приветствия и даже не дожидаясь, пока кто-нибудь из присутствующих проявит вежливость или предложит сесть, он сам придвинул стул и уселся вплотную к Ли Шяню.

— Ну вот, А-Ли, теперь, когда почтенный гость на месте, можешь продолжать, — с этими словами Чу Илань неожиданно перехватил правую руку Ли Шяня, сжимавшую шахматный камень, и принялся медленно поглаживать ее на своей ладони.

Четыре глаза Ма Чжэньхуа и мастера Линхуэй одновременно уставились на них двоих с нескрываемым изумлением. Только что затеплившееся в сердце Ли Шяня мимолетное чувство тоски по разлуке тут же исчезло без следа. Глубоко вздохнув, он с трудом подавил поднявшуюся в груди бурю гнева и резким движением выдернул руку из ладони Чу Иланя, после чего заговорил:

— Нынешняя смута в Поднебесной — это как раз то самое благодатное время, когда всевозможные хищники и негодяи могут явить свои чудесные таланты, чтобы побороться за императорский престол и разделить Центральные равнины. По правде говоря, еще полгода назад, когда император Ле с помощью войск государства Хуэрчи отобрал у меня трон, было предопределено, что Поднебесную постигнет подобная смута. Когда молодой господин Чу покидал монастырь Шаолинь, он наверняка уже предвидел замыслы государства Хуэрчи вторгнуться в Центральные равнины. Желая вернуть себе бывшее величие и власть, вы упускаете редчайшую возможность. Однако одним лишь авторитетом Чу Иланя вряд ли удастся заставить героев со всех концов света склонить головы и объединить сердца простого народа, а потому вам понадобилось именем Ли Шяня сплотить героев цзянху, созвать их под предлогом проведения церемонии основания монастыря Шаолинь и собрать всех внутри стен обители, чтобы выработать совместный план противостояния врагам. Только я одного не пойму: неужели вы, приложив столько изощренных усилий, чтобы уговорить меня вернуться в цзянху, совсем не боитесь, что после достижения цели я спрячу лук, когда птицы кончатся, и сварю борзых собак, когда охота завершена?

На лице Чу Иланя появилась загадочная улыбка:

— Отличный ход мыслей, абсолютно безошибочный. Но неужели ты забыл? Я ведь уже говорил тебе, что помогу вернуть твой трон.

— Помню. Только ты ведь помнишь и то, что я тогда дал тебе прямой отказ, — вскинув голову, произнес Ли Шянь.

— А причина в том...

Чу Илань подался вперед, и его горячее дыхание вместе с каждым словом пахло прямо в ухо Ли Шяню. Понизив голос, он произнес:

— Полгода назад я уже говорил об этом, неужели ты до сих пор не веришь? Требуешь, чтобы я снова изливал свои искренние чувства перед каким-то старым монахом и каким-то старым дедом?

Произнесенные в свойственной Чу Иланю манере глубокомысленные слова почему-то казались насквозь фальшивыми. Ли Шянь тяжело хмыкнул, и выражение его недовольства стало еще более явным. Поняв, что не стоит перегибать палку с издевательствами, Чу Илань с улыбкой вернулся на свое прежнее место:

— Высший долг Поднебесной, выживание целого народа — если искать благовидные предлоги, я могу назвать их великое множество, и на это не хватит целого дня и ночи. Как, хочешь, чтобы я перечислил их подробно?

Горячее дыхание вновь то ли намеренно, то ли случайно обожгло щеку Ли Шяня, а в усилившихся интонациях проступил двусмысленный подтекст:

— Я буду говорить об этом рядом с тобой целыми днями и ноч-ля-ми, пока тебе не надоест.

— Ты... — Ли Шянь яростно уставился на него. Чу Илань был верен себе: его способность выводить людей из себя неизменно оставалась непревзойденной. И ведь речь шла о великом деле возрождения страны, но из его уст все это звучало так, словно он принуждает порядочного человека к падению.

Видя, что разговор заходит в тупик, Ма Чжэньхуа подкрался к мастеру Линхуэй, дернул его за широкую монашескую рясу и бросил на него молящий взгляд. Слегка погрузившись в раздумья, мастер Линхуэй произнес:

— Ваше Величество, молю, не гневайтесь, послушайте слово старого монаха. Монахи Шаолиня испокон веков не касались мирской суеты и не вмешивались в дела смертных. Но ныне бесчисленные простые люди страдают под копытами варварской конницы, и как прекрасно,

что молодой господин Чу проявил столь дальновидность и, не жалея сил, созвал героев со всей Поднебесной, чтобы спасти государственные устои от смертельной опасности. Этот старый монах готов повести за собой всех боевых монахов Шаолиня, вступить в ряды армии и послужить на благо родины, дабы не посрамить то звание защитника государства, что было пожаловано самим императором Сянь.

Все те полгода мастер Линхуэй неизменно обращался к Ли Шяню не иначе как молодой господин Ли; теперь же, услышав, как он сменил обращение, Ли Шянь полностью уловил его мысль. Да и в самом ли деле его сердце могло стерпеть, чтобы родные земли подвергались столь жестокому поруганию со стороны иноземцев? Что ж, видимо, его кармические узы с Чу Иланем просто не суждено разорвать; и раз уж им довелось объединить усилия, кто в Поднебесной посмеет им противостоять?

При этой мысли в груди Ли Шяня вмиг взметнулась колоссальная волна героической решимости. Шахматная партия четырех сторон заключается не в том, чтобы убить полководца и захватить короля, а в том, чтобы отвоевывать города и земли — ровно то же самое делал и он сам. Нынешняя смута в Поднебесной вовсе не была чужда ему; и кем бы ни оказался будущий император, лишь бы простой народ ханьцев не скатился до положения рабов чужих племен, к чему тогда мелочно подсчитывать прочее? Пусть в сердце Чу Иланя таится тысяча хитроумных расчетов, у него самого найдется немало собственных планов, чтобы дать им отпор, так с какой стати бояться совместной работы с ним?

Он медленно поднялся на ноги, и его гордый взгляд скользнул по каждому присутствующему в комнате, наконец остановившись за окном. В чистом ясном небе лениво плыли облака: белые облака бесформенны, они успокаиваются там, где встречают ветер. В день безоблачного неба облака парят вольно и беззаботно, взирая с высоты на суетный мир смертных; а если грянет буря с ливнем, они встречают ее без страха и сожаления!

Спокойный и холодный голос Ли Шяня отчетливо выговаривал слово за словом:

— Идемте, мы отправимся на встречу с героями Поднебесной.

Чистое небо сияло в лучах дневного светила. Величественные ворота монастыря Шаолинь медленно распахнулись, и два отряда боевых монахов с палками в руках в ногу выстроились по обе стороны от главных врат. Тысячи каменных ступеней круто спускались вниз по склону горы, уходя в бесконечную даль. Каменные ступени были битком набиты героями цзянху, и если смотреть от монастырских ворот вниз, то чернеющее море шевелящихся голов казалось бескрайним — трудно было даже представить, сколько тысяч или десятков тысяч людей здесь собралось.

Толпа замерла в ожидании, устремив все взгляды ровно вглубь монастырских ворот. Внезапно шевелящаяся толпа утихла, и в этом застывшем и тесном пространстве было слышно лишь изредка доносившееся пение пролетающих в небе птиц. С внутренней стороны ворот показались силуэты четырех людей. Первым появился глава Секты Двух Драконов Ма Чжэньхуа; его низкорослый силуэт шагал поступью столь же незыблемой, как сама гора. Рядом с ним шел уважаемый настоятель Шаолиня в развевающихся широких монашеских одеждах,

который поглаживал седую бороду. Вместе с Ма Чжэньхуа они встали по обе стороны от больших ворот.

Взорам открылся широкий простор: молодой человек в белых одеждах с довольной улыбкой на лице приветственно кивнул толпе. А когда за его спиной появился следующий человек, над горными просторами внезапно грянул громоподобный рев ликования, прокатившийся эхом по всей горе Шаоши.

— Да здравствует император Сянь!

— Вернем наши земли!

— Прогоним варваров!

Сменяющие друг друга раскаты громоподобных криков отражались под синевой небес, долго не умолкая...

В исторических записях значилось: осенью 534 года династии Хун император Сянь принес клятву и поднял войска в монастыре Шаолинь, чтобы защитить страну от врагов. Чу Илань поддерживал его по правую руку, а десятки тысяч цзянхуских храбрецов поднялись по его зову — сила их была несокрушима.

И лишь Ли Шянь знал, что всё то, чем он сейчас обладал, было спланировано для него Чу Иланем, и из реального у него было лишь старое имя императора Сянь. То, за что выступали герои, вовсе не обязательно было связано именно с императором Сянь — они поддерживали бы любого правителя, способного изгнать чужеземных захватчиков. Поэтому любое военное поражение могло вновь привести к падению и рассеиванию с таким трудом собранных народных сердец. Перед ним лежала дорога без права на возвращение. А человек, который держал его за руку и вел по этой дороге, был тем самым Чу Иланем, которого он все еще не мог до конца понять и которому не мог до конца довериться.

Лунный свет лился холодно и беспристрастно, ущербная луна походила на крючковатый серп.

Ли Шянь сжимал в руке задачник по шахматам, но мысли его уже унеслись далеко за пределы этой битвы за клочки земли. Внезапно в дверь раздался двойной стук, и, прежде чем он успел ответить, Чу Илань толкнул дверь и вошел, держа в руках небольшой сверток.

— Подарок для тебя.

Он положил сверток на стол перед Ли Шянем и развернул его. В мерцающем свете свечей на расстеленной ткани заискрился и заиграл переливами нефритно-зеленый, прозрачный императорская печать тысячелетней выдержки, источая мягкое сияние. По тонкой резьбе печатного камня, на самых его уголках, едва заметные мелкие трещинки свидетельствовали о

пережитых им взлетах и падениях нескольких сменивших друг друга династий.

— Захватил с собой в тот день, когда мы покидали дворец. Подумал, что в будущем он тебе еще пригодится.

Ли Шянь погрузился в задумчивость:

— В день ухода из дворца... Выходит, ты уже тогда замышлял то, что происходит сегодня...

Лицо Чу Иланя слегка окаменело, но он тут же принял прежнее выражение и с шутливой улыбкой спросил:

— А-Ли, чем ты тут занимался в одиночку? Уж не думал ли обо мне тайком?

— Верно, я действительно думал о тебе, — спокойно кивнул Ли Шянь. — Меня и впрямь терзает одно сомнение: ты приложил столько сил, вытащил меня на свет и ведешь войну под вывеской императора Сянь — неужели ты не боишься, что в один прекрасный день, когда я взойду на престол, то под благовидным предлогом избавлюсь от тебя?

— Вот ты о чем думал.

Зловещий блеск на мгновение мелькнул в глазах Чу Иланя, после чего его сверкающие, подобно звездам, черные зрачки изобразили утрированно обиженное выражение:

— А-Ли, я сделал для тебя столько всего, а ты до сих пор не хочешь мне верить — разве это не ранит мое сердце?

За окном ночной мрак окутал всё вокруг, мириады звезд соперничали в сиянии, а половинка новолуния плыла, словно вода.

Лунный свет пробивался сквозь щели оконной решетки, устилая пол серебристым ковром и укутывая Ли Шяня целиком. Глядя на Чу Иланя, тот глухим голосом произнес:

— Скажу тебе прямо: я не доверяю тебе точно так же, как и ты не доверяешь мне.

Холодный голос падал слово за словом, звеня подобно жемчужинам, падающим на нефритовый поднос. Чу Илань прищурившись всматривался в озаренного лунным светом Ли Шяня; его лицо постепенно омрачалось, а уголки губ невольно сложились в жесткую усмешку. Но вдруг черты его лица расслабились, и с чувственных губ сорвался раскатистый, открытый смех.

— Ха-ха-ха, недаром ты тот, кого присмотрел я, Чу Илань: и впрямь прямой и решительный.

Только вот, А-Ли, веришь ты мне сейчас или нет, станем ли мы в будущем резать друг друга или нет — в этот самый момент мы уже сидим в одной лодке, и нам суждено делить жизнь и смерть, переносить общие невзгоды. Наше слияние неизбежно, так что остается надеяться на приятное сотрудничество в дальнейшем.

Ли Шянь чуть заметно улыбнулся. Он знал, что лишь в этих последних словах Чу Иланя не было фальши — они шли из глубины души. Несмотря на взаимные подозрения и предосторожности, они в то же время не могли не восхищаться друг другом, преклоняясь перед умом партнера. Подобное чувство казалось Ли Шяню необычайно новым и даже преисполненным какого-то соблазна. Впервые в жизни он испытал столь острое, почти предвкушающее интерес к другому человеку чувство.

В этом мире испокон веков не бывает вечных друзей, равно как и абсолютных врагов.

— Давай обсудим серьезные дела, — Ли Шянь взмахом руки предложил Чу Иланю сесть напротив.

Но, как и следовало ожидать, Чу Илань сделал вид, будто ничего не заметил, и с бесстыдным видом снова прижался к нему, усевшись на соседний стул. Ли Шянь одарил его презрительным взглядом и продолжил:

— Хотя цзянхуские герои и собраны воедино, но для того чтобы поднять армию и противостоять внешним врагам, перед нами стоят три крупные трудности. Третью из них пока можно в расчет не брать. А вот с двумя остальными дело обстоит иначе: насчет первой трудности у меня уже созрел план ответных действий, не хватает лишь подходящего исполнителя. А вторая трудность — это поистине серьезная проблема, которую с ходу не разрешить.

— О? Расскажи, послушаю, — с хитрой улыбкой отозвался Чу Илань.

Ли Шянь беспечно откинулся на спинку стула, поднес к губам чашку чая Лунцзин, слегка пригубил его и с улыбкой произнес:

— Если все должен рассказывать я, зачем тогда нужен такой партнер, как ты? Попробуй-ка сам угадать, что это за три трудности?

— Решил меня испытать? И если я угадаю верно, полагается ли какая-нибудь награда?

— Никакой, — отрезал Ли Шянь, опуская чашку на стол. — Разве продемонстрировать передо мной свой ум и доказать, что ты достоин быть моим партнером, — этого недостаточно?

— Пожалуй, в этом есть резон, — улыбнувшись, кивнул Чу Илань. — Первая трудность — это император Ле на юге. Как только он узнает весть о твоём выступлении, то вполне может

связаться с государством Хуэрчи и ударить с севера и юга клещами. Тогда мы окажемся в положении обороняющихся со всех сторон.

— Верно. Но это легко разрешимо. У императора Ле трое сыновей, и все они уже достигли совершеннолетия, имеют собственные круги приближенных и равны по силе, однако император до сих пор не назначил наследника престола. Стоит императору Ле внезапно скончаться, как при дворе неизбежно начнется страшная сумятица из-за борьбы за престолонаследие, и им станет не до нас. Поэтому, если мы сможем тайно устранить императора Ле, первая проблема решится сама собой. Сложность лишь в том, кого именно отправить на это дело? Если судить исключительно по боевым мастерством, то выше всех стоит мастер Линхуэй, да только убийства — явно не его профиль. Нам нужен кто-то, кто владеет боевыми искусствами в совершенстве и при этом действует безжалостно.

— Насчет этого можешь не беспокоиться, я уже отправил самого подходящего человека.

— Кто это?

Чу Илань загадочно улыбнулся:

— Когда он вернется и принесет голову императора Ле, ты сам все узнаешь.

Полагая, что Чу Илань намеренно темнит и отказывается отвечать, Ли Шянь решил больше не расспрашивать и, зажав второй палец, продолжил:

— Вторая проблема — это численность войск. Хотя цзянхуские герои обладают неплохими навыками боевых искусств, эта сбродная толпа все же не является регулярной армией и не сможет выступать главной силой на поле боя — нам непременно нужна собственная армия. К счастью, у этих людей из цзянху водятся кое-какие деньги, так что с поиском средств на военное жалование проблем не возникнет, а учитывая народную поддержку, набрать войско тоже не составит труда. Беда лишь в том, что формирование и обучение армии отнимут слишком много времени, а это может пагубно сказаться на ходе военных действий.

Подняв глаза, он встретился с полуулыбкой Чу Иланя: тот сверлил его своими персиковыми глазами, источавшими яркие искры. Покачивая головой, Ли Шянь с досадой произнес:

— Мы же говорим о серьезных вещах, о какой пошлятине ты опять думаешь?

— С чего ты взял, что о пошлятине? Я просто думал о том, что ты только что сказал. Ты сказал мы, мы. Ты наконец-то начал считать меня своим человеком.

— Псих, ненормальный.

Однако тот, кого только что обругали, выглядел совершенно опьяненным:

— Как давно ты меня не ругал, до чего же ностальгически звучит. Как говорится, бьет — значит любит, ругает — значит жалеет. Наши отношения наконец-то перешли в стадию пылкой страсти...

Слушать это было выше сил! Они же обсуждали великое дело восстановления государства — с какой стати он вечно сводит разговор к любви? Подобного рода вещи между ними вообще никогда не существовали.

Ли Шянь обхватил руками голову, в которой уже начинала назревать тупая боль: вести серьезные дела с подобным человеком было решительно невозможно.

— Насчет армии у меня есть план, — наконец проявив толику сознательности, Чу Илань сам вернул разговор к делу. — Стотысячная армия, отлично обученная, плюс дюжина опытных военачальников. Преподношу на блюде с голубой касьянкой, как тебе? Считаю, твоя головная боль прошла.

Хотя головную боль Ли Шяня вызывало вовсе не это, само существование столь крупной армии стало для него полной неожиданностью.

— Откуда у тебя эта армия?

На лице Чу Иланя распустилась его фирменная лисья улыбка:

— Помнишь? Ты спрашивал меня: когда ты в тронном зале разоблачил фальшивого императора Сянь, почему я не стал бороться до конца, а сдался без боя? Не то чтобы не хотелось — просто было нельзя. В тот момент я уже получил вест о заговоре Ли Ле, но еще не знал точного плана его действий. Его основные силы сосредоточены на юге, и, чтобы предотвратить его мятеж, я тайным образом перебросил подконтрольные мне войска на юг. И хотя из-за этого я потерпел неудачу в твоих руках, по воле слепого случая мне удалось сберечь свои силы.

— Вот оно что.

Неудивительно, что Чу Илань ничуть не боялся, что после завершения общего дела тот истребит его под корень — оказывается, он уже давным-давно крепко держал армию в своих руках. Марионетка... Вот какую роль он хотел оставить ему?

Чу Илань был верен себе: при всей ненависти к его изворотливости Ли Шянь не мог не преклоняться перед его умом. Суметь подчинить себе бывшего врага, меняясь вместе с обстоятельствами и подстраиваясь под любое событие — подобное решение было одновременно дерзким и мудрым.

На следующий день Ли Шянь со своей армией соединился под стенами города Цзянмин. Цзянмин располагался в стратегически важном пункте и являлся ключевым рубежом, за

который всегда велись ожесточенные бои. Государство Хуэрчи захватило этот город несколько месяцев назад. На рассвете авангард, состоящий из мастеров цзянху, обладавших непревзойденной легкой ци, первыми перемахнул через высокие стены, проник в город и открыл ворота, после чего основные силы ворвались внутрь и завязали яростный бой с армией Хуэрчи. Застигнутые врасплох войска Хуэрчи были быстро разбиты, и улицы с переулками города усеяли трупы. Цзянмин превратился в настоящее кладбище после побоища.

<http://bllate.org/book/21139/2144072>